

И. Дзялошинский

ПРАВИЛА ИГРЫ ИЛИ НРАВСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ?

Обратившись к проблеме этической кодификации профессиональной деятельности журналистов, следует отчетливо поставить вопрос о взаимоотношениях между индивидуальным и корпоративным профессиональным сознанием. К этому побуждают учащающиеся попытки разработать некие кодексы профессионального поведения с явно авторитарными устремлениями и административно-регламентационными механизмами контроля за поведением журналиста.

Вряд ли нужно доказывать, что все эти попытки бесполезны и бессмысленны, если журналист не рассматривает профессиональную среду как лично значимое сообщество, все члены которого придерживаются примерно одинаковых профессионально-этических стандартов. Как только профессиональная среда расслаивается на несколько конкурирующих сообществ, так профессионально-этические стандарты из средства регуляции профессионального поведения становятся инструментом социально-психологической консолидации, способом заявить о себе: "а мы вот такие и отличаемся от всех прочих высокой нравственностью".

К сожалению, именно в такой ситуации находится российская журналистика.

На сегодняшний день в рамках профессиональной журналистской культуры сосуществуют несколько альтернативных парадигм профессиональной деятельности, отличающихся друг от друга всеми компонентами, включая и нравственно-этический. Все они располагаются в своеобразном "пространстве", образуемом тремя векторами, в качестве которых выступают некие фундаментальные социально-профессиональные установки, определяющие общий характер отношения журналиста к аудитории.

Первая из таких установок ставит журналиста над аудиторией, определяя его право рассматривать своих читателей как объект управления (воспитания, формирования), а себя - как носителя или транслятора управленческих программ разного типа и уровня. Эта установка связана с широко известными идеями В.И. Ленина о роли печати как средства агитации, пропаганды и организации масс. Если попытаться одним словом охватить конечный смысл деятельности журналиста, исповедующего управленческо-технократический подход, то этим словом будет "воздействие". Подобного рода журналистская практика получила свое достаточно фундаментальное обоснование в работах многих теоретиков и исследователей, создавших комплекс стройных и по-своему совершенных концепций управляющего воздействия, опирающихся на

представление об активной роли средств массовой информации, выступающих в качестве субъекта пропаганды, и пассивной (несмотря на многочисленные оговорки) роли аудитории, рассматривавшейся в качестве объекта идеологического, пропагандистского воздействия.

Поскольку в основе этих теорий лежит идея о человеке как об обучаемом и программируемом элементе социальной системы, а следовательно, объекте различных манипуляций, постольку все они могут быть объединены понятием "управленческо-технократический (или авторитарный) подход".

Одной из особенностей управленческо-технократической парадигмы является стремление к жесткой алгоритмизации, нормативизации всех сторон профессиональной деятельности, в том числе и нравственной.

Следует еще раз отметить, что технократический подход вовсе не принадлежность печального прошлого. И сейчас есть немало журналистов, которые, искренне считая себя демократами, в профессиональной области исповедуют авторитарно-технократическую профессиональную идеологию. Вторая фундаментальная установка - на соратничество - требует от журналиста находиться внутри определенного человеческого сообщества, рассматривать себя как заинтересованного участника совместного с аудиторией поиска решений сложных жизненных проблем.

В 60-х годах эта парадигма получила свое яркое воплощение в редакторской деятельности А. Аджубея и творчестве нескольких журналистов, среди которых наиболее известен А.А. Аграновский. Аналогичных взглядов придерживаются и другие журналисты, чье профессиональное становление происходило в те годы. И в нынешних российских средствах массовой информации есть сторонники гуманитарной идеологии. Отвечая на вопросы корреспондента "Независимой газеты", Владислав Листьев так характеризовал свои представления: "Я работаю в жанре ток-шоу. Я так же, как и Донахью, интересуюсь жизнью людей. Темы могут быть самые разнообразные. Моя ошибка в том, что мы потихонечку в "Темах" стали уходить от человека к явлениям, событиям. Все равно во главе должен быть человек - с его слабостями, его страстями, плюсами и минусами. Не надо давать готовых рецептов - это мой ответ тем критикам, которые ждут от "Темы" решения той или иной проблемы. Нужно показать человеку варианты выхода из ситуации на примере другого человека". (1)

Поскольку журналисты с подобной целевой ориентацией являются принципиальными противниками любых форм манипуляции людьми, стремятся быть честными партнерами, такую идеологию журналистской деятельности можно назвать гуманитарной. В качестве девиза этой группы журналистов может быть использовано понятие "сотворчество".

Третья установка размещает журналиста рядом с аудиторией и ориентирует его на отношения информирования. В этом случае журналист считает своей основной профессиональной обязанностью поставлять аудитории разнообразные интересующие ее сведения, данные, материалы,

оказывать помощь в выражении мнений. Очень условно эту идеологию можно назвать коммуникативно-познавательной. В качестве примера можно привести ответ известного тележурналиста Л. Парфенова на упреки в отсутствии собственной позиции: «Я считаю высшей похвалой, если меня спрашивают: а как вы сами относитесь к Руцкому? Это значит, что за сорок минут я ни разу нигде не проговорился. Меня упрекают: "Не спорил с Горбуновым, не возражал Руцкому",- предполагая, очевидно, что есть точка зрения Руцкого, и есть правильная. Программа называется "Портрет на фоне" - портрет героя, а не мой. Кому нужны мои взгляды? Как немного пышно, но точно выразился Алан Куперман, корреспондент "Ассошиэйтед пресс": "Журналист не Фемида, а грузчик у ее весов"». (2)

Эта профессиональная идеология принципиально ориентирована на отказ от лидерства журналиста в диалоге с читателем. В своем логическом развитии она приходит к идее анонимности журналистики.

Самоопределяясь в поле тяготения этих полюсов, российские журналисты выработали множество различных гибридных форм профессиональной идеологии, содержащих в себе нравственно-этический компонент.

Для того чтобы выяснить каково реальное влияние трех обозначенных выше профессиональных идеологий, нами было проведено специальное исследование. Всего в исследовании участвовали 688 журналистов, представляющих различные регионы России и различные группы журналистов. Принцип формирования выборки - случайный и поэтому полученные результаты носят сугубо предварительный характер. Ответы распределились следующим образом.

<i>Место работы</i>	<i>Разделяемая идеология (в % к числу ответивших)</i>		
	<i>авторитарная</i>	<i>гуманитарная</i>	<i>информационно-познавательная</i>
Многотиражная печать	7,1	57,1	35,7
Районная печать	0	41,8	58,2
Региональная печать	3,1	29,3	67,7
В целом по всем опрошенным	2,4	37,4	60,2

Можно констатировать, что, во-первых, в профессиональном сознании опрошенных по случайной выборке журналистов управленческо-технократическая, авторитарная идеология занимает незначительное место. В основном журналисты придерживаются информационно-познавательной и гуманитарной познавательной идеологий. Во-вторых, отношение журналиста к

различным идеологиям профессиональной деятельности, в значительной степени зависит от уровня средства массовой информации, в котором он работает. Чем ближе печатное издание к своей аудитории, чем конкретнее и многообразнее связи журналиста со своими читателями, тем более близка ему гуманитарная идеология. Чем дальше отстоит журналист от конкретных повседневных нужд людей, чем шире аудитория, обслуживаемая его изданием, тем ближе ему информационно-познавательная (или авторитарная) идеология.

Таким образом, в настоящее время расширяется влияние идеологий журналистской деятельности, названных выше гуманитарной и коммуникативно-познавательной. Вместе с тем, несмотря на то, что они обе противостоят управленческо-технократической идеологии, отношения между ними складываются непростые. Вовлечение в социально-коммуникативный процесс широких масс, в течение длительного времени не имевших потребности (а зачастую и возможности) овладеть гуманитарной культурой, стимулирует развитие прежде всего такой журналистики, которая обеспечивает быструю циркуляцию актуальной информации, дающей возможность составить свое мнение по широкому кругу проблем и сопоставить его с мнениями других индивидов. Литературное качество, изысканность профессионального "хода", новизна авторской мысли в этой аудитории особой цены пока не имеют. Можно предположить, что и в ближайшем будущем, если будут реализованы те возможности для плодотворного и хорошо оплачиваемого труда, которые открываются в нашем обществе, и миллионы людей попробуют этими возможностями воспользоваться, армия внимательных читателей, радиослушателей, телезрителей существенно уменьшится. Объемные статьи воспитательного характера на моральные темы, с такой охотой читаемые людьми, имевшими немало времени на потребление информации, поставляемой им журналистами, потеряют свою былую популярность.

И хотя традиции гуманитарной журналистики (которую иногда называют качественной, глубокой, авторской, личностной и т.п.) продолжают сохранять свою влияние и реализуются в творчестве многих журналистов, все же ведущее значение сейчас приобретает коммуникативно-познавательная идеология журналистской деятельности.

В условиях существования множества профессионально-этических парадигм, конфликтующих друг с другом или плавно друг в друга перетекающих, влияние корпоративных кодексов, как об этом уже сказано выше, не очень велика. Зато значительно возрастает личностная ответственность за этическое самоопределение, требующая постоянной рефлексии журналиста над процессом и результатами своего творчества. Сознательное отношение к своей деятельности предполагает выделение себя из профессиональной среды как относительно самостоятельного субъекта профессиональной деятельности, способного оценить собственную деятельность и деятельность других субъектов сквозь призму собственных

профессиональных критериев. Без преувеличения можно сказать, что профессиональное самосознание является одним из основных показателей профессиональной зрелости журналиста.

Профессиональное самосознание выступает, с одной стороны, средством профессионального самоопределения, а с другой - средством профессиональной саморегуляции.

Потребность в самопознании переживается журналистом тем острее, чем яснее он сознает противоречие между личными притязаниями и оценкой его профессиональных действий со стороны профессиональной группы и потребителей информации, чем более он сам испытывает неудовлетворенность своими действиями.

Степень профессионального самопонимания определяется глубиной проникновения журналиста в свою профессиональную сущность, полнотой охвата многообразных проявлений профессиональной деятельности, упорядоченностью знаний о собственной профессиональной деятельности и эффективностью применения этих знаний для саморегуляции профессиональных действий. Чем полнее журналист улавливает в себе закономерные черты профессии, тем достовернее профессиональный автопортрет, в котором отражается не только уникальный мир профессиональных ориентаций индивида, но и мир профессиональных исканий всего журналистского сообщества.

Рефлексия, то есть осознание журналистом законов своей деятельности, предполагает прежде всего определенный уровень развития личности и, что очень важно подчеркнуть, развития самой деятельности. Выявление и осмысление объективных оснований деятельности невозможно до тех пор, пока она выступает для человека в отчужденной от него форме, не как самодеятельность, а как процесс функционирования.

Другим условием осуществления рефлексии является наличие средств, позволяющих объективно зафиксировать сам процесс деятельности и сделать его предметом специального анализа, а также методов такого анализа.

Профессиональное самосознание неотделимо (как и сознание вообще) от оценочно-эмоционального отношения журналиста к себе. Поэтому фундаментальным структурным компонентом индивидуального самосознания является самооценка. Содержание профессиональной самооценки обусловлено, с одной стороны оценкой данного журналиста в референтной для него профессионально-творческой среде, а с другой - социальными, профессиональными и индивидуально-психологическими особенностями самого журналиста (его ценностными ориентациями, полнотой и точностью знаний о себе, установками по отношению к собственному "Я" и др.). Предметом профессиональной самооценки журналиста является и сам творческий процесс и различные - в том числе нравственные - моменты профессионального поведения - все, что является значимым для данного журналиста и его творческой среды с точки зрения эффективности

осуществления профессиональной деятельности. Различаясь по уровню обобщения, полноте, глубине, стабильности, профессиональная самооценка выступает и как процесс развернутой автохарактеристики и как его конечный результат - профессиональный автопортрет; как отдельная оценка отдельных важных в профессиональном отношении качеств, и как целостная концепция профессионального "Я".

Эмоциональная сторона самооценки реализуется в понятии "профессиональная честь", то есть специфическом эмоциональном отношении журналиста к своей профессиональной репутации в конкретной профессиональной среде. Если глубинную основу чувства профессионального достоинства составляют потребности журналиста в реализации своих профессиональных потенций и самоуважении, то в основании чувства профессиональной чести лежат потребности в утверждении своей профессиональной ценности перед лицом мнения профессионального сообщества.

В свою очередь, профессиональная идеология, включающая комплекс этических регуляторов, входит в систему, которую можно обозначить понятием "профессиональная культура", под которой мы понимаем всю совокупность материальных и духовных образований (являющихся результатом деятельности многих поколений), обеспечивающих эффективное функционирование журналистики. В этом - широком - значении слова понятие "журналистская профессиональная культура" охватывает и структуру системы "журналистика", и организационные формы подготовки и переподготовки кадров, и профессиональный опыт, то есть совокупность различных норм, правил, стандартов деятельности, и формы передачи этого опыта, и набор целей и идеалов профессиональной деятельности и многое другое.

Вместе с тем живой мир профессиональной культуры - это не только типичные формы деятельности, не только хранилище стандартов и стереотипов профессионального поведения, не только "память" журналистского сообщества, но и индивидуальное своеобразие, творческое воплощение и развитие норм профессиональной деятельности. Диалектика профессиональной культуры такова, что ее универсализация, типизация, обобщение форм и способов деятельности могут осуществляться только в индивидуальных формах, через индивидуальные достижения, поскольку в создании новых организационных и творческих форм профессиональной культуры всегда существенную роль играют индивидуальное своеобразие конкретных журналистов, нестандартность их мышления, чувств и действий.

Так же как внутренним источником развития общепрофессиональной профессиональной идеологии являются противоречия между профессиональной идеологией различных редакционных коллективов (что является отражением противоречивости самой социальной действительности), так внутренним источником развития профессиональной идеологии

редакционного коллектива являются противоречия между профессиональной идеологией конкретных журналистов, входящих в его состав.

Специфической особенностью регулятивов творческой деятельности является то, что их выполнение связано со свободным выбором личности, добровольностью принимаемых решений. Эти требования, эти регулятивы имеют высокую степень обобщенности: они выражают некую тенденцию, смысл профессионального поведения, но не его конкретный рисунок. Тем более они не включают в себя детали, частности, составляющие стихию конкретных профессиональных действий. Их реализация и эффективное функционирование предполагают сотворчество журналиста. Поэтому и не следует переоценивать попытки разработать подробнее "технологические карты" профессионального творчества. Не только потому, что творчество невозможно втиснуть в организационно-технологические рамки, но и потому, что идея технологического регулирования творчества в принципе противоречит его природе. В творчестве нет четкого разграничения субъекта и способа деятельности. Журналист руководствуется в своей деятельности теми профессиональными нормами, которые он признает наилучшими, он идентифицирует себя с этими правилами, видит в них собственное "Я".

Таким образом, можно предположить, что корпоративный дух, понимаемый как некая "нравственность", не привнесенная в профессию извне, а извлеченная из требований профессионализма ("призвание", "профессиональный этос", "профессиональные нравы" и т.п.), может развиваться только в условиях высокого уровня личностной ответственности журналиста за свое профессиональное поведение..

1. И.Петровская. Владислав Листьев: "И я сказал себе "Стоп!"". Независимая газета. 20.03.1993.

2. См.: Президенты в его жизни. Независимая газета. 11.07.92.